

Г. П. Васильева

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Северный Туркменистан (Ильялинский, Калининский, Куны-Ургенчский, Ленинский, Тахтинский и Ташаузский районы) расположен в западной части Хорезмского оазиса, на землях, орошаемых водой магистральных каналов Газават, Шават, Клыч-Ниязбай и Совет-яб.

До Великой Октябрьской социалистической революции эта территория входила в Хивинское ханство, позднее, с 1920 г. — в состав Хорезмской народной советской республики. В результате проведения в 1924 г. национального государственного размежевания и образования Туркменской и Узбекской советских социалистических республик районы, заселенные в основном туркменами, вошли в Туркменскую ССР.

Население Северного Туркменистана весьма неоднородно. Туркмены по численности преобладают (164 659 чел. или 56%), во всех указанных выше районах, кроме Ташаузского; второе место принадлежит узбекам (84 191 чел. или 28,5%), живущим главным образом в Ташаузском (в городе Ташаузе, его окрестностях и к востоку от него до границы с Узбекистаном) и Ильялинском (в районном центре Ильялы и вокруг него) районах, а в других местах расселившимся вперемежку с туркменами; третье — казахам (25 580 чел. или 8,7%)¹, почти везде проживающим вместе с туркменами и узбеками. Кроме названных народов, в Северном Туркменистане живут татары, русские, незначительное число корейцев, каракалпаков и других².

Все народы, за исключением русских, обосновавшихся в Северном Туркменистане после 1873 г. (времени установления над Хивинским ханством русского протектората), и корейцев, переселившихся в годы Советской власти, обитают здесь издавна. Такая пестрота национального состава явилась результатом сложной и бурной истории Хивинского ханства и не менее сложных взаимоотношений между отдельными его народами.

Для населения Хивинского ханства, в котором узбеки занимали, как известно, господствующие позиции, а туркмены, казахи и каракалпаки находились на положении национальных меньшинств, все же еще в до-революционный период была характерна определенная общность культуры. Эта общность — следствие не только длительного совместного пребывания их на одной территории, но также и давних культурных традиций, обусловленных этнической преемственностью современных народов Хорезмского оазиса от населения древнего Хорезма и степных племен и народностей, издавна живущих в Приаралье и на нижней Аму-Дарье.

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР», М., 1963, стр. 132—133, табл. 54.

² Г. П. Васильева, Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области, «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 48, М. — Л., 1961.

Вместе с тем даже внутри каждого народа между отдельными его группами наблюдались значительные различия, свидетельствующие о своеобразии их этногенеза. Особенно четко они прослеживались у туркмен дореволюционного периода, сохранявших деление на племена и роды. Отдельные, наиболее крупные племена отличались друг от друга особенностями своей материальной и духовной культуры. Следует напомнить, что родо-племенная организация туркмен давно уже не соответствовала классической родо-племенной организации первобытнообщинного строя. Туркменское общество было классовым, а ведущим способом производства — феодальный, отягощенный многочисленными родовыми институтами, сохранившимися в пережиточной форме. Такое своеобразие, характерное в той или иной степени и для других народов Средней Азии, позволило исследователям назвать социально-экономический строй туркмен патриархально-феодальным³.

Туркменская народность сложилась еще в XIV—XV вв.⁴, однако политическая разобщенность и экономическая отсталость туркмен были причиной того, что и в последующие века деление на племена и роды сохраняло реальное значение в их хозяйственной и политической жизни. Внешнее «единство» рода скрывало развитое имущественное расслоение и позволяло «своему» родовому старейшине или просто баю эксплуатировать родственников-бедняков под маской родовой «взаимопомощи». Все это в полной мере относится и к хорезмским туркменам.

Среди туркменского населения численно преобладающими, наиболее ранними по времени поселения на территории Хивинского ханства и активно участвовавшими в его политической жизни в последний период были иомуты. Их потомки ныне составляют большинство населения во всех туркменских районах, кроме Ильялинского.

Иомуты говорили на своеобразном диалекте туркменского языка, отличались от других туркмен некоторыми обычаями, чертами быта и материальной культуры (например, женский головной убор и прическа, форма юрты и ее интерьер, орнамент вышивки, ковров и кошем и т. д.).

Внутри этого большого племени этническим своеобразием выделялись род ушак, расселившийся в основном вблизи узбекских крепостей Газават и Кошкучыр, в восточной части нынешнего Тахтинского района, а также группа иомутов-кубадаглы. Последние имели особое происхождение⁵ (это потомки плененных иранцев, лезгин и др.) и вследствие этого обособились от туркмен и испытали значительное влияние узбекской культуры.

Культура других, менее крупных туркменских племен Хорезма — емрели, гокленов и карадашлы, переселенных хивинскими ханами из Южной Туркмении в начале XIX в., мало отличалась от иомутской уже в предреволюционный период. Живя в соседстве с иомутами в течение всего XIX в., они находились под их влиянием и постепенно сближались с ними. Вместе с иомутами эти племена составляли одну локальную группу туркмен Хорезмского оазиса.

Вторая группа туркменского населения состояла из чоудоров, занимавших по своим этнографическим данным промежуточное положение

³ Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, в кн.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 17—43; там же см. содоклады С. И. Ильясова и В. Ф. Шахматова и выступления по этой проблеме, стр. 43—145.

⁴ «История Туркменской ССР», Ашхабад, 1957, т. I, кн. 1, стр. 325.

⁵ Г. П. Васильева, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7 — Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг., ч. II, М., 1963.

между иомутской группой туркмен, северохорезмскими узбеками и каракалпаками. Это сходство культуры трех различных по своему происхождению и этнической принадлежности групп можно объяснить, видимо, как общими этническими элементами, так и длительным пребыванием части чоудоров на общей с каракалпаками и кочевыми узбеками территории Приаралья. Основная масса чоудоров поселилась в Хивинском ханстве в начале XIX в., хотя была связана с ним значительно раньше.

Во всяком случае, живущие на территории Калининского района потомки этого племени почти до наших дней сохранили специфические черты в духовной и материальной культуре (своеобразный свадебный и похоронный обряды, форма остова юрты, сходной с каракалпакской, оформление внутренней части ее свода, особая женская одежда и головной убор, особый орнамент и т. д.). До сих пор сохраняются еще среди чоудорского населения и свой диалект туркменского языка.

Узбеки Северного Туркменистана также были неоднородными по своему происхождению и имели различия в материальной и духовной культуре. Как и их сородичи в соседней Хорезмской области Узбекской ССР, они делились на северных, до последнего времени помнивших свои родовые деления, и южных.

К числу первых принадлежали узбеки собственно Куня-Ургенча и прилегающей к нему с юга территории до русла Дарьялыка, обосновавшиеся здесь с начала XVIII в., а также группы узбеков к северу от г. Ташауза, переселившиеся сюда сравнительно недавно из соседних восточных районов, с жителями которых они до сих пор поддерживают родственные связи. Значительно большую по численности группу составляли узбеки без родовых делений, в первую очередь небольшая группа узбеков Куня-Ургенча, являвшаяся, вероятно, потомками узбекского населения, жившего здесь до переноса в XVII в. Абульгази-ханом столицы на восток⁶, и узбеки, обитавшие в г. Ташаузе, на восток и запад от него вдоль магистрального канала Шават до Ильялы. Все они были потомками выходцев из Ханки, Хивы, Хазараспа, Гурлена и других южнохорезмских городов и прилегающих к ним сельских местностей; в места нынешнего обитания первые группы этих узбеков пришли 100 с небольшим лет назад. Большинство местных узбеков сохраняло тесные связи со своими сородичами, живущими в Узбекистане.

Промежуточное положение между туркменами и узбеками по своим этническим признакам занимали небольшие группы населения — дюеджи, чандыр, агар, игдыр и другие, в начале XIX в. переселившиеся из Бухарского ханства на земли к югу и юго-востоку от крепости Ильялы. Многие из них по происхождению несомненно являются туркменами, но, будучи сильно «обузбеченными», вероятно, еще в период жизни в Бухарском ханстве, имеют много общего в своей культуре с ильялинскими узбеками и говорят на узбекизированном туркменском языке. Любопытно, что узбеки называли их туркменами, туркмены — узбеками, сами же представители этих групп еще недавно затруднялись сказать, кто они по национальности, и знали лишь свою принадлежность к мелким этническим группам.

Среди казахов самыми ранними поселенцами на территории нынешнего Северного Туркменистана были сырдарьинские казахи, перекочевавшие к Шавату в середине XIX в. и к нашему времени в значитель-

⁶ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., «Изв. Туркестанского отдела Русского географического общества», т. IV, вып. 2, Ташкент, 1902, стр. 112.

ной степени слившиеся с узбеками. Они живут в восточной части Ташаузского района на границе с Узбекистаном.

Казахи Куня-Ургенчского района, поселившиеся здесь также около 100 лет назад, поддерживают более тесные связи со своими сородичами на Мангышлаке, чем живущие у Шавата, и поэтому в большей степени сохранили и свою традиционную культуру.

Немногочисленные группы каракалпаков, расселившиеся среди узбеков, к нашему времени почти полностью ассимилировались с ними.

Для Хивинского ханства, в состав которого входил Северный Туркменистан, была характерна чрезвычайная политическая и экономическая отсталость, сохранение множества пережитков патриархально-феодального строя и слабое развитие капитализма.

Патриархально-феодальные пережитки, особенно значительные среди туркменского населения Хорезмского оазиса, большое влияние феодально-родовой верхушки на широкие массы населения и после установления Советской власти, чрезвычайно тормозили проведение ленинской национальной политики, в частности, мероприятий, направленных на советизацию туркменского аула. Достаточно сказать, что в туркменских районах Хорезмской народной советской республики первоначально пришлось создавать не аульные, т. е. территориальные, а родовые советы⁷.

Вплоть до установления Советской власти туркменские земли, расположенные в хвостовых частях ирригационных систем, ниже узбекских, страдали то от недостатка воды, то, наоборот, от ее излишка. Эта зависимость от узбекского водопользования служила одной из причин неустойчивости земледельческого хозяйства туркмен, вызывала недовольство трудящихся масс, умело используемое феодально-родовой туркменской верхушкой и хивинскими правителями для разжигания национальной розни. Подстрекаемые своими вождями, туркмены нападали на узбекские кишлаки.

В XVIII, XIX и начале XX в. в Хивинском ханстве неоднократно вспыхивали восстания туркмен против узбекских правителей. В них принимали участие и другие народы — каракалпаки, казахи, узбеки, иногда выступавшие совместно. Однако в большинстве случаев гнев туркмен направлялся против такого же как они трудового узбекского и каракалпакского земледельческого населения, которое страдало от туркменских набегов.

Эта сохранившаяся и в первые годы Советской власти вражда между народами Хорезмского оазиса очень мешала проведению мероприятий по созданию и развитию национальной государственности.

* * *

Ряд наций Средней Азии, в том числе и туркменская, сложился, как известно, в годы Советской власти. У туркмен, как и у казахов, киргизов и других, процесс национальной консолидации происходил гораздо быстрее, чем у наций, сформировавшихся до Октябрьской революции, и проявлялся особенно ярко в стирании локальных особенностей, впроче-

⁷ Даже в 1928 г., через несколько лет после того, как родовые советы были заменены аульными, комиссия по проведению выборов в аулсовет в сел. Копукли Ильялинского района отмечала: «...племенные трения еще есть. Характерно, что споры между сильными племенами окуз и ших (родовые подразделения иомутов.— Г. В.) заставили их на последних выборах в Советы остановиться на единственном представителе рода гаджук (также из иомутов.— Г. В.), который и был избран председателем аулсовета» (ЦГАОР ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 114).

нии национального самосознания среди отдельных групп туркменского народа. Еще в 1930-х годах в Туркмении отчетливо выделялись специфической материальной и духовной культуры, своими диалектами различные племена — текинцы, иомуты, чоудоры, сарыки, докланы, эрсари и другие. Однако некоторые особенности их быта и культуры исчезали буквально на наших глазах, росло и крепло национальное самосознание; многие, соответствующие эстетическим вкусам народа элементы культуры, ранее присущие одной из локальных групп или отдельному племени, теперь становились достоянием всей нации.

В настоящее время племенные особенности сохраняются только как пережиток и должны именно так и рассматриваться. Это явление, тормозящее консолидацию и дальнейшее развитие нации, порождает местничество и отчужденность у других групп народа.

Советский строй, рост экономики и культуры создали все условия для последующего внутреннего развития социалистических наций, которое не прекращается и в наши дни. Происходит дальнейшее укрепление нации: упрочение национального самосознания, общенациональных элементов культуры и вместе с тем восприятие нового, тех достижений мировой культуры и техники, которые появляются в результате все более развивающихся экономических и культурных связей между народами. Рост материального благосостояния трудящихся и общего культурного уровня оказывает огромное влияние на ход национального развития, способствует изменению эстетических представлений народа, преодолению старых патриархально-феодалных воззрений и привычек, мешавших усвоению многих рациональных нововведений и отказу от старых, вредных и отживших элементов культуры и быта.

Национальная культура развивается по двум основным направлениям: с одной стороны, становятся общенациональными прогрессивные элементы, которые прежде были особенностью определенного племени или локальной группы народа, с другой — национальная культура обогащается за счет появления общесоветских черт.

Наряду с процессом стирания различий у отдельных локальных групп одного народа происходят более сложные процессы сближения с основной нацией нацменьшинств, проживающих на территории республики. В развитии нации начинают участвовать прежде обособленные, в недавнем прошлом мало связанные с ней группы других народов.

Развитие идет и по линии сближения родственных друг другу соседних наций. Этот процесс особенно заметен в окраинных районах республик, где наблюдается наиболее интенсивное стирание граней между этой и соседней нациями.

Указанные выше процессы характерны и для населения Северного Туркменистана. Несмотря на некоторую географическую изоляцию от основной территории Туркменской ССР (от южной Туркмении исследуемые нами районы отделяет пустыня Кара-Кум), общее развитие народного хозяйства и культурные достижения способствуют тому, что национальное развитие этой отдаленной части республики протекает не изолированно от всех остальных ее районов.

Первым этапом консолидации туркменской нации, который начался еще в дореволюционное время, но более интенсивно протекал в первые годы Советской власти, был процесс сплочения вокруг одного из крупных племен более мелких племен и отдельных родовых групп, живущих рядом с ним или в его окружении. Их слияние выражалось в утрате своих и принятии многих черт культуры крупного племени, в утрате племенного самосознания. В южной и юго-восточной Туркмении салоры, сарыки и более мелкие племена предгорий Копет-Дага — али-эли, но-

хурли, емрели, гоклены и другие — сливались с текинцами; на востоке республики с эрсари и салорами объединялись баяты, неразымли, хыдыр-эли, крачли и т. д.; на западе и в Северном Туркменистане таким центральным племенем были иомуты. Как уже говорилось, хорезмские иомуты оказали большое влияние на быт и культуру живущих рядом с ними емрели, карадашлы, гокленов и других групп туркмен.

Рис. 1. Улица колхозного поселка. Ташаузский район (это и остальные фото выполнены Г. А. Аргиропуло)

Однако нельзя сказать, что их культура воспринималась в старых традиционных формах: сами туркмены-иомуты развиваются под сильным воздействием общесоветской, так называемой городской культуры, оказывающей большое влияние также на другие группы населения и таким образом являющейся связующим звеном в этом процессе сближения.

Рис. 2. Интерьер туркменского дома. Тахтинский район

В настоящее время можно говорить об единой туркменской национальной культуре, которая у туркмен Хорезмского оазиса, так же как и в других районах республики, имеет лишь некоторые локальные особенности. Они прослеживаются в материальной культуре — сохранение у части населения своеобразного «иомутского» женского головного убора и прически, верхней женской одежды «кемзор», характерной и для других народов Хорезма и т. д., в характере орнамента на вышивках, коврах, и кошмах, в духовной культуре — некоторые обычаи, традиционный сва-

дебный обряд, а также в бытовании среди части населения, наряду с общетуркменским литературным языком, особых (североиоумутского и чоудорского) диалектов.

Дальнейшее развитие туркменской нации идет, в частности, по линии постепенного стирания таких локальных черт. Важную роль в этом процессе играет общесоветская культура.

Жилище хорезмских туркмен, близкое по типу жилищу других народов оазиса, в прошлом у отдельных этнических групп имело свои особенности. В наши дни идет процесс его унификации и усовершенствования конструкции (введение фундамента, лучшее покрытие крыши, появление деревянных пола и потолка, больших застекленных окон и т. д.). Планировка современного сельского жилища при сохранении основных ее принципов усложняется за счет увеличения числа жилых комнат и отделения хозяйственных помещений от жилого дома. Вместе с тем интерьер остается глубоко национальным даже в большинстве городских домов и домах сельской интеллигенции, где в обстановке комнат большое место зани-

Рис. 3. В казахской юрте. Калининский район

Рис. 4. Традиционный костюм чабанов. Колодцы Кырк-куйи

мает фабричная мебель. Расположение вещей, предметы декоративного убранства с первого взгляда выдают обычно национальную принадлежность хозяина дома.

Туркменский мужской костюм, и прежде имевший много общих черт с костюмом других национальностей оазиса, теперь отличается от него только деталями.

Широкое распространение получила одежда фабричного производства: костюмы и брюки, рубашки, пальто, трикотажные изделия и головные уборы.

В целом для мужского костюма сельского населения характерно различное сочетание национальных элементов одежды с городскими. Имен-

Рис. 5. Молодая туркменка в современной одежде Гахтинский район

но сочетание отдельных элементов подчеркивает национальные особенности туркменского костюма. В одежде узбеков и других местных национальностей это своеобразие заметно гораздо меньше. Традиционный мужской костюм бытует у людей старшего поколения, в качестве рабочего — у земледельцев и особенно у чабанов, причем и традиционный костюм претерпел изменения, сохранив от прежнего лишь общий облик.

В женской одежде процесс вытеснения традиционных форм идет медленнее; в первую очередь изменились по сравнению с традиционными головной убор и прическа. Большинство молодых и средних лет женщин заплетают волосы в две косы и носят два платка: маленький снизу, а большой в виде шали набрасывают поверх него.

Почти все городские жительницы, наряду с национальными платьем и халатом, а иногда и традиционными длинными штанами, имеют городское платье модного фасона, костюм, охотно носят вязаные кофточки с юбками. Туркменки

часто шьют узбекские платья на кокетке из пестрого шелка, узбечки охотно надевают туркменские просторные красные платья туникообразного покроя.

Однако в сельских местностях и у городских женщин старшего поколения стойко сохраняется традиционный туркменский костюм: красное платье туникообразного покроя с длинными рукавами, спускающееся почти до щиколоток, и длинные широкие сверху и сильно суживающиеся книзу штаны, слегка выступающие из-под платья. Поверх платья при выходе из дома надевают обычно распашную одежду — кемзор, характерную для всех народов Хорезмского оазиса, а в холодное время года — пальто.

Определенное своеобразие наблюдается в одежде небольших туркменских групп, занимающих промежуточное положение между туркменами и узбеками; их костюм ближе к узбекскому, чем к туркменскому. Одежда казашек и каракалпачек, живущих в Ташаузском районе, также почти не отличается от узбекской. Вместе с тем в одежде местных узбеков прослеживаются некоторые туркменские черты.

Тесный контакт между населением отдельных частей республики, установившийся благодаря общности экономической и культурной жизни, большей подвижности населения и современным средствам связи, еще более укрепляет единую национальную культуру, способствует взаимопроникновению отдельных элементов, прежде свойственных какой-то одной из групп населения.

В частности, например, можно отметить распространение среди туркмен северной части республики своеобразной вышивки «ак кайма», в прошлом присущей текинцам, текинских женских платков, более широкое, чем в прошлом, бытование мужского красного шелкового халата «дон», характерного для центральных районов Туркмении, и т. д.

Культура туркмен-чоудоров, имевшая до последнего времени, как указывалось выше, ряд специфических элементов, сходных с каракалпакской и североузбекской и отличавших чоудоров от других туркмен, теряет свою обособленность и сливается с общетуркменской.

Наряду с сохранением и дальнейшим развитием туркменских черт, распространением литературного туркменского языка среди значительной части сельского населения, туркмены-чоудоры удерживают в быту отдельные элементы культуры, которые имеются в настоящее время и у других народов Хорезмского оазиса. Поскольку развитие национальной туркменской культуры идет также и в направлении сближения с узбекской и другими родственными культурами, эти локальные особенности не мешают ее развитию и, наоборот, в дальнейшем некоторые из них будут, вероятно, распространяться также среди туркменского населения других районов.

В качестве примеров укажем следующие: в женском costume туркмен этой группы, наряду с традиционным туркменским платьем из красной шелковой материи, издавна широко распространено узбекское платье из пестрых тканей с круглым вырезом, без воротника, разрезом

Рис. 6. Туркменская семья. Куны-Ургенчский район

на груди и широкими рукавами, а в последние годы — платье так называемого «узбекского» покроя — на кокетке с отложным воротничком. Последнее, как указывалось, в настоящее время имеет некоторую тенденцию к распространению и среди других групп туркменок — городских жительниц. Туркмены-чоудоры, наряду с общетуркменскими коврами и кошмами для сидения, употребляют также узкие стеганные на вате подстилки «корпече», широко бытующие у соседних народов — узбеков и каракалпаков. Этот элемент культуры стал распространяться в последние годы и среди части туркмен других групп, живущих по соседству с узбеками.

Чоудоры и раньше любили приглашать на свои свадьбы каракалпакских баксы — исполнителей песен под аккомпанемент дутара; в настоящее время радиопередачи из Нукуса здесь слушают очень часто и с большим удовольствием.

Медленнее протекает процесс консолидации с туркменами этнических групп, занимающих промежуточное положение между ними и узбеками, например агаров, игдыров, дюеджи, чандыров, а также той небольшой части узбеков, которая издавна живет среди туркмен. Степень их сближения с туркменами зависит от численности каждой из групп и от того, насколько глубоко были восприняты в прошлом узбекские черты.

Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала интересные факты: часть лиц, назвавших себя узбеками, родным языком считает туркменский (1241 чел., или 1,5%); это в основном жители сельских местностей (972 чел.). Многие из тех, кто в быту сохраняет еще черты узбекской культуры, при переписи 1959 г. назвали себя туркменами.

К числу таких групп, занимавших промежуточное положение между туркменами и узбеками, но сливающихся с туркменами и осознающих свою принадлежность к туркменской нации, относится группа шихов, поселившихся в Тахтинском районе на бывших вакуфных землях. Эта группа, помнящая свое туркменское происхождение, но долгое время обитавшая в окружении узбеков (в Хивинском районе Узбекской ССР), восприняла многие узбекские черты, часть которых сохраняет и до настоящего времени, несмотря на то, что живет среди туркмен (в колхозах «Коммуна» и им. Тельмана Тахтинского района).

Другая, значительно превосходящая шихов по численности группа — дюеджи, обосновавшаяся в западной части Ильялинского района к югу от канала Шават

Рис. 7. Мужчина в традиционной одежде. Ильялинский район

(ныне колхоз им. XXII партсъезда), подобно шихам мало отличалась от узбеков. Часть дюеджи, переселившихся в Ташауз, восприняла узбекскую культуру еще в большей степени.

Среди старшего поколения дюеджинцев живы предания об их туркменском происхождении и родстве с одноименной группой туркмен, обитающей на западе республики. Однако длительное пребывание этой части дюеджинцев в составе Бухарского ханства в непосредственном соседстве с узбеками отразилось на культуре и языке, сблизив их с узбекскими. В настоящее время процесс консолидации их с туркменами идет довольно интенсивно.

Молодежь и лица среднего поколения обычно не знают узбекского языка и говорят дома и на производстве на туркменском с большей или меньшей примесью узбекских слов. Знание узбекского языка сохраняется среди людей старшего поколения. В быту и материальной культуре дюеджинцев и шихов (убранстве комнат, пище, утвари, женском и дет-

ском костюме и т. д.) обнаруживается большое сходство с узбеками, хотя, например, молодые женщины предпочитают одеваться по-туркменски и лишь по случаю различных семейных торжеств надевают узбекский костюм. Колхозники этих групп любят украшать свои комнаты туркменскими коврами и кошамами. Среди основной массы этого населения, однако, сохраняется узбекский свадебный обряд.

Процессу сближения различных национальностей способствуют и смешанные браки, которые в наши дни даже в этом отсталом прежде районе перестали быть редкостью. Наиболее часты браки между представителями различных национальностей в городах и поселках городского типа, а также в сельских местностях со смешанным населением. Среди туркменского населения, чрезвычайно консервативного в этом отношении, пока еще случаи выхода замуж девушки-туркменки за представителя другой национальности единичны, хотя молодые люди, особенно служившие в армии и учившиеся в вузе, нередко женятся на девушках-нетуркменках. В таких случаях свадьба обычно отмечается по-туркменски.

В группах агар, дюеджи, чандыр и юноши и девушки довольно легко вступают в брак с представителями иной национальности и особенно часто с узбеками.

Обычны браки казахов и каракалпаков Ташаузского района с узбечками.

Пока еще смешанные семьи, как правило, создаются людьми, не имеющими большой и сплоченной родни, старшие представители которой обычно строго следят за соблюдением эндогамии и возражают против ее нарушения.

В смешанных семьях в большинстве случаев разговорным языком является язык матери, даже в тех случаях, когда она попадает в инонациональную среду: порядки и навыки детям прививаются также материнские. Встречаются смешанные семьи, в которых вторым разговорным языком становится русский, что бывает в тех случаях, когда кто-то из супругов (обычно жена) не знает ни одного из тюркских языков (при браке с русской, чувашкой, немкой и др.), или среди городской интеллигенции, хорошо владеющей русским. Именно детям обычно дают двойные — на языке отца или матери и русские; последние, как правило, носят дети в городских семьях.

Ярким показателем степени сближения шихов, дюеджи, игдыров и др. с туркменами является язык обучения. В тех сельских местностях, где дети учатся на туркменском языке, процесс консолидации малых групп с туркменами продвинулся гораздо дальше. Однако в районах с преобладанием узбекского населения (Ташаузский) или в местах расселения узбеков и обузбеченных групп большими массивами (Ильялинский район, районные центры Ильялы, Куня-Ургенч) дети, как правило, обучаются в узбекских или иногда в русских школах. Интересно, что пред-

Рис. 8. Пожилая женщина из группы дюеджи в традиционном костюме. Ильялинский район

ставители обузбеченных групп, пожалуй, чаще, чем туркмены или узбеки, стараются отдать детей в школы, где обучение ведется на русском языке. Для этих же групп населения характерно дву- или трехязычие — наряду с родным языком все они владеют и туркменским (или узбекским), а многие также и русским. Два или три языка обычно знают каракалпаки и казахи, живущие на территории Северного Туркменистана.

Мы уже говорили о том, что казахское и каракалпакское население Ташаузского района почти полностью утратило свою культуру и восприняло узбекскую. Многие из них по переписи 1959 г. называли себя узбеками. Однако в семейном быту обычно (особенно у старшего поколения) сохраняется родной язык. Казахи Куны-Ургенчского и Калининского районов, поддерживающие связи со своими родственниками в Казахстане или Каракалпакии, сохраняют родной язык в более чистом виде и знают его лучше, нежели их ташаузские сородичи. Этому способствует и то, что в некоторых казахских селениях Куны-Ургенчского района существуют школы-восемилетки с обучением на казахском языке. Все казахи также хорошо знают и туркменский язык. Тем не менее, кончившие узбекские школы для продолжения образования обычно едут в Ургенч, Нукус или Ташкент, так как для поступления в высшие или специальные средние учебные заведения Туркменистана знания разговорного туркменского языка оказывается недостаточно.

О стремлении этой части населения к сохранению родного языка свидетельствует характер подбора газет и журналов, выписываемых значительной частью нетуркменских семей, а также программы радио и телевидения, их интересующие.

Сельская интеллигенция — агрономы, бригадиры, медицинские работники и другие, а иногда и простые колхозники-нетуркмены, обычно выписывают казахские или узбекские и каракалпакские журналы и газеты для того, чтобы «не забыть родного языка и быть в курсе их жизни», — объяснил нам учетчик тракторной бригады колхоза «Социализм» Куны-Ургенчского района казах Нургалиев Овушбай.

В часы отдыха в казахских, каракалпакских и узбекских семьях слушают музыку из Алма-Аты, Нукуса, Ургенча или Ташкента. Интересно отметить такой факт, что в Северном Туркменистане, пока не имеющем своего телевизионного центра, телевизоры, как правило, приобретают нетуркменские или смешанные в национальном отношении семьи, которые смотрят передачи из Ургенча и Нукуса.

Однако при сохранении интереса к жизни своих сородичей и любви к своей национальной музыке, искусству и родному языку, узбеки, казахи и другие, не утратившие своего национального самосознания, осознают себя в первую очередь гражданами Туркменской республики, членами своего производственного коллектива, активно участвуют в его жизни, радуются успехам и огорчаются неудачам своего коллектива, района, всего края. Поэтому в тех же семьях, где имеются газеты и журналы из других республик, обязательно выписывается также районная или республиканская туркменская газета, а в часы «последних известий» слушается туркменское радио.

Следует отметить и роль русской культуры в процессе развития наций Средней Азии и Казахстана. Русская культура стала проникать в этот отдаленный уголок Средней Азии значительно позднее, чем в другие районы, лишь с конца XIX в., причем до Октябрьской революции ее влияние в Хивинском ханстве было крайне незначительным в силу экономической отсталости, изолированности этого края и небольшого числа проживающих здесь русских.

Как и везде, проводником русской передовой культуры стал в первую очередь город, через который распространялись все нововведения в сельские местности. Особенно большое значение имела русская культура именно в первые годы социалистического строительства.

Все новое в материальной культуре — одежде, пище, жилище — шло от русских. В настоящее же время говорить о влиянии лишь русской культуры было бы неправильно, так как передовая культура, распространяющаяся через город, не может считаться только русской. Ведь и сама русская городская культура впитала теперь много инонационального, она становится синтезом общих интернациональных черт, содержит гораздо больше прогрессивных элементов, чем сельская.

В наши дни распространителями этой прогрессивной, так называемой городской культуры в селах стала сельская интеллигенция и учащиеся высших и средних учебных заведений, возвращающиеся домой на каникулы или на работу. Они несут в сельские местности новые навыки, раньше других отказываются от старых, изживших себя привычек и понятий. Туркмены-горожане, сохраняющие родственные связи с жителями сельских местностей, также способствуют изживанию национальной замкнутости туркменского аула, проникновению в него новых инонациональных черт. В условиях этнической пестроты Северного Туркменистана сближение соседних национальных культур — узбекской и туркменской — происходит более интенсивно, нежели в центральных районах этих республик. О характере развития культуры в местностях со смешанным населением мы уже говорили.

Туркменская культура воспринимается также узбеками, живущими в городах и районных центрах.

Следует отметить, что, усваивая многие черты туркменской культуры, узбеки сами оказывают влияние на окружающее туркменское население. Так, часть мужчин-туркмен, изменившая традиции брить голову, носит летом узбекские «чустские» тюбетейки, которые лучше держатся на волосах, чем туркменские. Во многих сельских местностях летом хозяйки предпочитают печь не туркменские большие и толстые лепешки «чорек», а узбекские маленькие и тонкие «нан», будучи убеждены, что последние дольше не сохнут, сохраняют свои вкусовые качества, и т. д.

Большую роль в туркменско-узбекском сближении играют смешанные браки, о которых говорилось выше.

В восточной части районов, пограничных с Узбекистаном, влияние узбекской культуры на туркменское население более заметно. Узбекская культура (особенно оседлого узбекского населения южного Хорезма, так называемых сартов) оказывала влияние на туркменскую еще задолго до Октябрьской революции и сама отчасти воспринимала некоторые туркменские черты. Это объясняется многими историческими причинами, а главное, давними этнокультурными связями узбеков и туркмен Хорезмского оазиса. Однако, так как в Хивинском ханстве туркмены находились на положении угнетаемого нацменьшинства, это накладывало определенный отпечаток на характер восприятия черт узбекской культуры, распространявшейся в XIX в. сначала среди наиболее зажиточных слоев туркменского населения пограничных селений. Узбекская культура воспринималась также теми группами туркмен, которые в силу разных причин оказывались в несколько изолированном положении. В этом отношении интересен пример туркмен кубадаглы, поселившихся в первой половине XIX в. неподалеку от Мангыта — узбекского центра в северном Хорезме и оказавшихся более тесно связанными административно (их селения входили в состав Мангытского бекства) и экономически с узбе-

ками, нежели с туркменами. Более чем полувековая связь с узбекским центром, а также некоторая искусственная изоляция от других туркмен Хорезмского оазиса (по происхождению туркмены-кубадаглы считались ниже «чистокровных» иомутов) наложили известный отпечаток на культуру кубадаглы, сблизив ее с узбекской⁸.

В наши дни влияние узбекской культуры в Северном Туркменистане носит совершенно иной характер: из быта и культуры узбеков всеми слоями населения воспринимаются лучшие традиционные черты, которые также претерпели значительные изменения под влиянием так называемой городской культуры.

Таким образом, наш материал свидетельствует о том, что в Северном Туркменистане, крае, наиболее отдаленном от центральных районов республики и неоднородном по своему этническому составу, происходят сложные этнические процессы, характерные для большинства районов страны. С одной стороны, идет процесс консолидации туркменской социалистической нации, стирание локальных особенностей культуры и быта, постепенное исчезновение языковых различий между отдельными группами туркмен. Культура туркмен-чоудоров теряет свою обособленность и сливается с культурой других туркменских групп этого края.

Довольно значительно продвинулось сближение с туркменами узбекизированных в прошлом туркменских групп — дуюджи, чандыров, игдыров, шихов и др., а также живущих среди туркмен небольших групп узбеков и казахов. Некоторая часть населения этих этнических групп во время переписи 1959 г. назвали себя туркменами; 1,5% лиц, назвавшихся узбеками, а также около 1,3% казахов, родным языком считают туркменский.

В этом процессе пока не участвует вторая большая группа населения Северного Туркменистана — узбеки, живущие компактной массой и по своей культуре (хотя они и восприняли ряд туркменских черт) почти не отличающиеся от узбеков соседней Хорезмской области Узбекской ССР. Казахи и каракалпаки Ташаузского района, сохраняющие свое самосознание и отчасти язык в качестве домашнего, по культуре и быту ничем не отличающиеся от узбеков, в окружении которых обитают довольно длительное время. Напротив, казахи Куны-Ургенчского и Калининского районов, поддерживающие связи со своими сородичами в Казахстане, стойко удерживают среди инонационального окружения свою традиционную культуру и сохраняют родной язык и самосознание.

С другой стороны, наряду с процессом консолидации нации идет характерный для современного периода процесс стирания резких граней между соседними родственными нациями — туркменской и узбекской, сближения их национальных культур. Это сближение в условиях этнической пестроты Северного Туркменистана протекает более интенсивно, нежели в центральных районах республики, и связующим звеном в этом процессе является городская передовая культура, вобравшая в себя немало интернациональных черт. Следует отметить, что многие из локальных особенностей культуры туркмен-чоудоров, прослеживающиеся в культуре родственных им каракалпаков и узбеков, в этом процессе сближения имеют тенденцию к распространению среди туркменского населения других районов. Все усиливающиеся в наши дни экономические и культурные связи народов Хорезмского оазиса, совместный труд на

⁸ Г. П. Васильева, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, стр. 146, 149, 153, 154.

строительстве Ташсакинского магистрального канала, Большого озерного и Дарьялыкского межреспубликанских коллекторов, при проведении газопровода Бухара — Урал, постройке Тахиаташской ГЭС и др. еще более способствуют сближению национальных культур.

SUMMARY

Complex ethnic processes characteristic of many regions of our country are taking place in Northern Turkmenistan — the most remote and ethnically heterogeneous territory of the Republic. The Turkmen socialist nation is in process of ethnic consolidation. Local peculiarities in cultural and everyday life are vanishing alongside with linguistic differences. Thus, the culture of Chaudory Turkmens is losing its isolated character and is merging with the culture of other groups of Turkmens. Previously Uzbekized Turkmen groups such as Duhedjy, Chandyr, Igdyr, Shykh, as well as small groups of Urbeks and Kazakhs living among Turkmens, are progressively drawing nearer to the Turkmens. In the 1959 census a certain part of these ethnic groups gave their nationality as Turkmen; 1.5 p. c. population of Uzbek and 1.3 p. c.— of Kazakh nationality gave their mother tongue as Turkmen.

Another large group of Northern Turkmenistan population — the Uzbeks living in a compact body and culturally indistinguishable from the Uzbeks of Khorezm region — so far does not participate in this process (though they have acquired certain Turkmen traits).

The Kazakhs and Kara-Kalpaks of Tashauz district, though conserving their ethnic consciousness and native language, are similar in culture to the Uzbeks. On the contrary the Kazakhs of Kunia-Urgench and Kalinin districts, though living among people of different nationality, maintain ties with their tribesmen in Kazakhstan, and steadily conserve their traditional culture, native language, and ethnic consciousness. Another process typical for the modern period is a gradual obliteration of sharp distinctions between the neighbouring Turkmen and Uzbek nations, the mutual rapprochement of their cultures. This process is more intensive in ethnically heterogeneous Northern Turkmenistan than in the central districts of the Republic. Urban culture incorporating many international traits is a link in this process. It is interesting to note that many of the above-mentioned local traits of the Chaudor Turkmens, which may also be traced in Kara-Kalpak and Uzbek cultures, tend to spread among Turkmens of other districts. The strengthening of economic and cultural ties between the peoples of Khorezm oasis, joint work on the construction of irrigation systems, gas pipeline, hydroelectric stations, etc. help to draw national cultures still closer together.